

Моск. коллекционер, 1978, 15 марта.

ЧЕЛОВЕК стоял, с трудом опираясь на костыли. Неизлечимая болезнь с каждым днем сильнее и беспощаднее сковывала его тело. Опасная операция не принесла облегчения. А человек писал привольный волжский пейзаж, дивную стремнину реки, листву, напоянную чарующим солнцем, пестрые вывески лавок, горы вкусных арбузов и прекрасную молодую женщину с соболиной бровью и задумчивым взглядом, ждущим встречи с желанным. В образах, которые возникали на полотне, сверкала радуга половодья жизни.

С детских лет эта жизнь волновала воображение Кустодиева. Ее отблески он видел наяву, когда любовался панорамой родной Астрахани, бывал на русских ярмарках, веселился на масленичных гуляньях. Но он понимал, что все это — действительно лишь отблески того пера Жар-птицы, которое уже тысячу лет русский Иванушка похищает в сказке, а не на самом деле. Кругом расстилались российское бездорожье, народное горе, людская тоска. Изюб всех углов смотрели бесправие и надменная сытость, маленький пряник и большой кнут. Так что же — падать духом? И художник нес современникам радость и удалое веселье в своих ярких и звонких красках. Поступал, как умел, надеясь, что придет счастье и на родную землю. Заботясь о том, чтобы люди не растеряли совсем душевную щедрость, не забыли бы о солнце в беспросветной ночи жестокосердного, угрюмого и бессмысленного быта.

Кустодиев по самой своей натуре был чужд бескрылому описательству. Ведь истинно чувствовать красоту природы и жизни можно, лишь творчески соревнуясь с ней, умножая ее своей

мечтой и своим умением, как строитель Кижей и мастер, превращающий наличники изб в замечательные узоры.

Кустодиев был настоящим сказочником. И когда он изображал, казалось бы, тех, кого только что увидел на улицах торговых волжских городов — купцов и приказчиков, купчих и купечес-

кие к творчеству: «Художник должен все знать, все изучать... все уметь рисовать, чтобы потом быть в состоянии свободно распоряжаться своим материалом, работать легко и свободно без натуры... В молодости в академии у нас боялись, как-то брезгливо относились к тому, что называли отсебятиной. Достой-

ным волнением при первой же возможной встрече в музее.

Сам художник был скромным в быту человеком, но своим творческим убеждениям был верен с огромной внутренней страстностью. Однажды он получил заказ на портрет от царствующего дома. Его даже вызвали к самодержцу, чтобы вы-

и во всем сохраняло свою высокую поэзию, крылатую фантазию, чтобы к нему относились, как к сложному и ответственному делу, достойному настоящего таланта и умения понимать живопись.

«Живопись для меня, — признавался Кустодиев, — самый близкий, но и мучительный процесс... Настоящий колорист сразу знает, какой тон вызывает другой; одно красочное пятно поддерживается другим... Венецианцы (Тициан, Тинторетто) — великие «музыканты» колорита».

Традиции Кустодиева... О них нередко говорят молодые художники. Но не слишком ли просто и узко понимаются эти традиции, когда их сводят лишь к пестрому изображению праздников русской зимы или богатого застолья с самоваром, банками, жостовскими подносами и платками из Павловского Посада. Конечно, все это достойно любви и уважения, но тогда, когда на картине есть музыка цвета. А музыка убеждает и увлекает правдой образных открытий. Продолжать традиции Кустодиева — значит самому быть недюжинным колористом и смелым открывателем новых тем, новых живописных земель.

Дни сменяются днями, но по-прежнему сияет на полотнах художника синь — стремнина могучих вод, зеленеет далекий берег, сиреневыми кудрями покачивают стада косящихся облаков, смотрят вдаль русские красавицы и великий русский певец. Смотрят и видят вокруг бесконечное раздолье родимой земли, ясный погожий день, счастливых ладных людей, о которых мечтал когда-то талантливый русский человек, веря в свою сказочную явь, в радугу половодья жизни.

И. КУПЦОВ.

РАДУГА ПОЛОВОДЬЯ

Заметки о творчестве Б. М. Кустодиева

ких дочек, — то в их обликах представляли герои нового эпоса, сочиненного живописцем. Конечно, сказка — ложь. Но в ней намек... И молодые купчихи кустодиевских полотен, его русские красавицы с молодым цветущим здоровьем и чистым порывом чувств, как Ладья чудесной берендеевой страны, вторгались в дремучую косную действительность, чтобы громко спеть прекрасную песню о великой силе русского народа, о его поэтической вольной душе.

А когда народ выходил на борьбу, художник шел с ним, создавая в 1905 году политические карикатуры на самодержавие, оформляя после Октября народные революционные праздники, иллюстрируя для детей книги о Ленине. Им была написана картина «Большевик» — удивительно самостоятельное решение той темы, которая волновала Маяковского в поэме о 150 миллионах.

Сам Борис Михайлович так определял свое отноше-

ние к творчеству: «Художник должен все знать, все изучать... все уметь рисовать, чтобы потом быть в состоянии свободно распоряжаться своим материалом, работать легко и свободно без натуры... В молодости в академии у нас боялись, как-то брезгливо относились к тому, что называли отсебятиной. Достой-

ным внимания считалось то, что вышло непосредственно из натуры... А между тем это и есть (то, что называют отсебятиной) владение своим мастерством, здесь только рождается картина».

Это умение ярко и выразительно фантазировать на любимые мотивы природы, народной истории, фольклора, дум современника характерно для русской живописной школы, для М. Врубеля, В. Сурикова, И. Левитана, М. Нестерова. Каждый из них максимально выразился в искусстве как личность именно потому, что умел наблюдать жизнь, обладая собственными глубокими чувствами и мыслями — самобытными, драгоценными.

Такой самобытностью и значительностью отмечено и творчество Кустодиева. Его картины узнаются сразу. А когда поймешь их язык, тогда уж, пожалуй, невозможно не носить образы этих полотен в памяти, не обращаться к ним с радост-

слушать пожелания будущего владельца картины, чьи вкусы точно выражались в десятках банальных фотографических карточек, прилежно развешанных по стенам. Сколь ни солидным был обещанный гонорар, живописец отказался от заказа.

Зато будучи прикованным к кровати, к инвалидному креслу, он, наклоня над собой натянутый холст, с упоением писал портрет Федора Шалапина — на вольном зимнем просторе, среди народного праздника, могучего и удалого. Писал так, как считал нужным, передавая в красках любовь ко всему здоровому, талантливому, творческому.

Долго не сдавались смерти мозг, сердце и руки художника — то, чем владел Кустодиев в последние двенадцать лет. Держа в руках сборники частушек, иллюстрированные им, веселилась новая, советская молодежь.

Самое главное, что его заботило, была мысль о том, чтобы искусство везде